

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

АННА ГРАНАТОВА

ПЛУТОНИЙ ДЛЯ ФИДЕЛЯ

**ТУРЕЦКИЙ ГРОМ,
КАРИБСКОЕ
ЭХО**

Анна Анатольевна Гранатова
Плутоний для Фиделя.
Турецкий гром, карибское эхо
Серия «Политические расследования»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056556

*Плутоний для Фиделя. Турецкий гром, карибское эхо / Анна
Гранатова.: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0428-6*

Аннотация

Среди разнообразных книг о Карибском кризисе 1962 года политическое расследование Анны Гранатовой («Клан Ельциных», «Операция «Горби»») акцентирует внимание на самой загадочной фигуре политического противостояния сверхдержав, кубинском команданте Фиделе Кастро. Кто он, заложник или участник рискованной политической игры? Почему согласился на авантюру Н. Хрущева и беспрецедентную операцию «Анадырь»? Как проявил себя в драматичные дни кризиса, когда американские военные, подготовившие несколько планов вторжения и ликвидации режима Ф. Кастро, лишь ждали «отмашки» президента Дж. Кеннеди? Автор доказывает парадоксальную мысль: главный оппонент Фиделя Кастро – Джон

Кеннеди – отдал свою жизнь в обмен на спасение Острова свободы!

Содержание

Глава I	5
Над всей Атлантикой безоблачное небо	5
Венский вальс и Берлинская стена	30
Команданте Фидель: революция или смерть!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Гранатова Плутоний для Фиделя. Турецкий гром, карибское эхо

*Посвящается легендарному разведчику,
историку, аналитику и другу Кубы,
генерал-лейтенанту Николаю Леонову*

Глава I Штормовое предупреждение

*В Карибском кризисе, как в капле воды,
отразилась вся драматургия международной
политики середины XX столетия*

Над всей Атлантикой безоблачное небо

Пилот специального подразделения авиации, майор Ричард Хейзер поднял самолет в воздух, когда над конти-

нентом еще сгустилась ночная мгла. Перед тем как выйти на взлетное поле авиабазы ВВС США в Калифорнии, Хейзер, подтянутый и высокий брюнет с высоким и открытым лбом, уронил взгляд на болтающийся настенный календарь, где строгие цифры украшались феерическими фотографиями штурмующих небесную бездну американских самолетов. «Незасекреченные модели», – Хейзер незаметно улыбнулся углами рта, продолжая изучать календарь: его стальной красавец Lockheed U-2, или просто У-2, как крылатую машину окрестили в Союзе, на календаре не значился.

За пару минут до команды «стартуйте!» Хейзер коснулся шершавой рукой прозрачной рамки, обозначающей на календаре дату, и передвинул ее на 14 октября 1962 года. Бортовой хронометр отсчитывал секунды едва заметного расцвета. Пилот надел шлем, очки, перчатки. Руки легли на штурвал. Густая, как сливки, влажная пелена укрывала Флоридский пролив, в направлении которого майор Ричард вел машину. Отсюда, с авиабазы Эдвардс, до береговой линии Кубы – считанные минуты лету, если держать курс строго на юг. Слева от шумно разрезающего предрассветное небо лезвиями крыльев «Локхида» пролегали Багамские острова, куда на отдых стекались напыщенные джентльмены со щебечущими длинноногими леди со всего мира. Укрытые соленой фатой ночного тумана, дремали острова Большая Абака и остров Андрос. Встречный ветер был вполне терпимый, погода благоприятствовала полету.

Октябрь 1962 года начался с проливных дождей и тоскливой затяжной облачности, так что поступил приказ из разведцентра, – *временно отложить аэрофотосъемку*. Президент США Джон Кеннеди и директор ЦРУ Джон Маккоун, занявший свою должность в ноябре 1961 года, к такому решению пришли одновременно, оба были не в пример предшественникам – Дуайту Эйзенхауэру и Алену Даллесу – настроены куда как менее враждебно против Кубы, а после того как Ален Даллес провалил в апреле 1961 года операцию «Сапата-Мангуста» в кубинском заливе Свиней и Кеннеди попросил именитого разведчика подать в отставку, стало очевидно, что Фидель Кастро оказался крепким орешком и с ходу на Кубе политический режим не поменяешь.

«Полеты можно продолжить, как только погода улучшится, – сухо заметил Кеннеди, пристально глядя на Джона Маккоуна. – Сейчас в них нет острой необходимости. В сентябре советский лидер Никита Сергеевич Хрущев в заявлении ТАСС объявил, что «на Кубе советского наступательного вооружения и ракет нет». – «Вы в это верите? – Джон Маккоун вскинул брови. – Можно ли доверять русским?»

Профессиональный атомщик и новый директор ЦРУ, Джон Маккоун был *единственным* в окружении Кеннеди, кто в преддверии Карибского кризиса вопреки всем данным собственной разведки, ничего подозрительного не обнаруживавшей, твердил, что на Кубе должно находиться советское наступательное вооружение.

«Если его там до сих пор нет сегодня, то оно появится там завтра. Понимаете, это очень удобно, — объяснял свою мысль Маккоун. — Советская военная база под боком у нас. Это сразу же изменило бы геополитический баланс сил в пользу русских». — «Вы верите, что подобный прыжок через океан возможен? Под нашим-то пристальным контролем?» — возражали Джону Маккоуну высшие чины в Пентагоне. Директор ЦРУ пожимал плечами: «Не знаю, как они это сделают, но это фантастически выигрышная для Союза позиция!» — «Думаете, Хрущев способен на подобный риск?» — «Эта игра стоит свеч!»

Еще 23 августа 1962 года Джон Маккоун направил президенту США меморандум, в котором изложил гипотезу: на Кубу возможна перевозка советского оружия морским путем, и, возможно, именно сейчас советские суда, которые туда идут, груженные якобы сельскохозяйственной техникой, на самом деле везут туда оружие. «Но чтобы обслуживать серьезное оружие наступательного характера, нужны люди, — заметил Кеннеди, ознакомившись с меморандумом директора разведки. — Кубинцы с подобной техникой незнакомы. Значит, русским потребуются тайно перевозить на Кубу целые армейские части и подразделения! Но где они спрячут огромное количество солдат? Да и переход через Атлантику — неблизкий!»

В ответ на президентский скепсис Маккоун поставил военно-практический эксперимент. Несколько подразделений

американских солдат поместили в трюмы различных судов и покатали в тропических водах. На третьи сутки такого «круиза» у военных начались массовые приступы всевозможных заболеваний – от головокружений и теплового удара до лихорадки и расстройств желудка. «Значит, моя гипотеза на практике неосуществима», – устало подумал Маккоун, и его агрессивный настрой по отношению к Острову свободы побавился. Но ненадолго. Червь сомнения продолжал грызть аналитический мозг Джона Маккоуна. 7 сентября 1962 года, еще не имея на руках таких объективных данных, как, скажем, аэрофотосъемка, директор ЦРУ, находясь во Франции, направил в штаб-квартиру ЦРУ в США шифротелеграмму, последняя фраза которой звучала так: «Возможно, на Кубе уже находится советское оружие, возможно, ракеты малой дальности» (см. С. Микоян, Анатомия Карибского кризиса, М., 2006, фотодокумент на стр. 172).

Когда же сентябрь 1962 года зарядил дождями и шквалами, директор ЦРУ приказал разведывательной авиации прекратить полеты над Кубой. «Только горючее зря тратим. Да и президент Кеннеди считает, что с этим можно повременить, тем более что советский лидер Никита Хрущев в начале сентября заверил весь мир через ТАСС, что никакого советского оружия на Кубе нет и быть не может».

Не горел нетерпением взять реванш после провала Эйзенхауэром и Даллесом операции в заливе Свиней и президент США Джон Кеннеди, его больше заботили начинающиеся

выборы в Конгресс. Не считал Кубу приоритетным направлением во внешней политике и министр обороны в правительстве Кеннеди, аналитик Роберт Макнамара, пришедший на свой пост из бизнеса, из совета директоров автомобильного концерна «Форд».

И все же политическое завещание президента Эйзенхауэра ликвидировать на Кубе коммунистический режим осталось. В день своего ухода из Белого дома, 19 января 1961 года (передача президентской власти в США традиционно приходится на 20 января перед зданием Конгресса, в полдень), покидающий свой пост Дуайт Эйзенхауэр экспрессивно убеждал нового хозяина Белого дома в том, что «необходимо срочно ликвидировать коммунистический режим на Кубе, нельзя эту проблему решать «маньяна» (испанское *mañana* означает «завтра», кубинцы используют это слово в значении «неизвестно когда», «после дождичка в четверг»)). Кеннеди пообещал Эйзенхауэру, что на предмет «маньяна» можно не беспокоиться. Однако Джон Фицджеральд лукавил: ему просто не хотелось спорить со своим предшественником. Но тут объявились «люди из Пентагона» и начали с басовитой экспрессией давить на Кеннеди: мол, план Эйзенхауэра по Кубе «Мангуста» давно расписан в деталях, надо действовать, дайте отмашку!

Поэтому, как только небо над Флоридой развеялось и установилась относительно ясная погода, разведывательные полеты были возобновлены. Самолет У-2, ведомый рукой

Ричарда Хейзера, вырулил на знакомую траекторию. Слева остался маленький скалистый, заросший буйным тропическим кустарником с жесткими листьями, напоминающий при взгляде из иллюминатора изумрудную пуговицу островок Ки-Уэст. Американцы называли зеленый островок символично, Key West, значит, «Ключ к Западу» или «ворота на запад». Остров Ки-Уэст находится примерно посредине Флоридского пролива, между Майами и Гаваной. Именно здесь незадолго до Кубинской революции, провозгласившей победу армии Фиделя Кастро над режимом Фульхенсио Батисты, американский писатель и любитель морской рыбалки Эрнест Хемингуэй познакомился с будущим капитаном своего катера «Пилар», загорелым кубинцем Григорио Фуэнтесом Бетанкуром. Полуграмотный рыбак из кубинского Кохи-мара спас жизнь будущего нобелевского лауреата, когда разбитая штормом яхта Хемингуэя терпела бедствие. Кубинцы в то время ходили настороже, боялись провокаций, боялись янки, боялись жандармов Батисты, которые пачками бросали невинных в тюрьмы, боялись и повстанцев Фиделя: и среди них были свои лазутчики. Взбудораженный народ жил в постоянном страхе за жизнь. Но рыбак Григорио Бетанкур не думал о политике, сворачивая снасти и спасая бородатого незнакомца, на своем маленьком пропахшем рыбой и водорослями катере перевозя его на сушу. «Морской закон и характер кубинца! – сказал по-испански Григорио. – Мы обязаны помогать всякому, кто терпит бедствие в океане, вдали

от берега, не разбирая, друг это или враг». После этого Хемингуэй записал в своем дневнике: «Ки-Уэст, «ключ к Западу», самое прекрасное место на земле». Писатель эпизодически жил здесь и на самой Кубе порядка тридцати лет. Любопытно, что одним из символов Кубы, изображенным на государственном гербе, является ключ.

Всего за час самолет преодолевает расстояние от Флориды до кубинского побережья. За этот час эпатажная держава с неутоленными политическими амбициями, кричащими витринами супермаркетов, неоновой рекламой пафосных казино, клубов, ресторанов вдруг стала незримой и неосязаемой. Всего час перелета над укутанным в соленый шлейф тумана дремлющим морем, и позади остаются зеркальные зубья небоскребов престижных торговых центров, коронующие самовлюбленную, энергичную и рациональную нацию, сотканную из упрямых, пробивных, циничных эмигрантских династий.

Всего несколько минут требуется, чтобы оказаться в совершенно ином мире, где люди живут иначе и мыслят иначе, иными ценностями. Здесь не понимают, что ради мешка с деньгами можно убить человека и что деловая карьера эгоиста-одиночки может быть важнее семьи, в которой много детей и внуков. Большинство домов на Кубе не имеют ни тяжелых железных дверей, ни сигнализации, ни каменных заборов, а лишь легкие фанерные дверные коробки, низенькие деревянные частоколы, через которые легко перепрыгнет ко-

за и пронирынет кошка, да примитивные замкищеколды из звонкого металла. Боевых собак тут нет, а желтые и рыжие поджарые дворовые псы ласться к каждому, что к хозяину, что к чужаку – гостю. И никому из этой боевой, ходящей в будни и праздники в военной форме болотного цвета братии, не приходит в голову держать в домашних сейфах личное огнестрельное оружие, чтобы защитить себя от бандитов. Да и домашних сейфов нет. А улицы постоянно патрулируются.

Не требуется специального приглашения, чтобы зайти в дом соседа на чашечку ароматного кофе с тростниковым сахаром, сваренного на песке в специальном латунном кувшинчике. Позвони в любую соседскую дверь, и тебя почти наверняка угостят и кофе, и ромом с колой, и сладким зеленоватым коктейлем из тростника с дольками лайма, и шуршащим, как на весенней реке во время ледолома, льдом. Здесь принято дружить семьями, как если б у всех были общие родственники. Принято водить детей в один и тот же детский сад и школу и потом подолгу вечерами обсуждать с соседями, чему там учат и как воспитывают. А когда это наскучивает, включают на кассетном магнитофоне бодрую музыку и начинают танцевать румбу или сальсу, и когда танцующих становится больше, чем может вместить гостиная, улыбающаяся толпа кубинцев плавно перетекает на улицу и продолжает танцевать возле дома, прямо на асфальте. Мимо нее проезжают загорелые, обтянутые в яркие спортивные трико велосипедисты, шествуют нагруженные сумками

прохожие. Некоторые на мгновение останавливаются, ставят сумки на асфальт, а затем рьяно вплетаются в своеобразный хоровод кубинской сальсы. И тогда жизнь нескольких кубинских семей сливается с жизнью улицы. Поэтому забудь об официальности, а просто подойди к двери и постучись...

Покрывшийся небесной влагой, как холодным потом, самолет У-2, опираясь на восходящие потоки воздуха, стремительно поднимался над белым и плотным, словно морские льдины, плавающие в небесном океане, фронтом облаков. Их серебристый панцирь накрывал синюю морскую бездну, как ледяная скорлупа, но вдали, где небесные айсберги начинали таять, в темной глубине проблескивали сквозь соленый туман желтые огни прожекторов Острова свободы. От напряженного управления штурвалом руки Хейзера в кожаных перчатках слегка занемели. Он думал о том, что вот еще один полет – рискованный и бессмысленный – в его жизни, над страной, нравы которой он не понимает и отторгает своим гордым американским сердцем. Что за радость в сальсе на улице, с соседями, ведь это не ужин в дорогом ресторане с голливудской звездой? Кто они, эти кубинцы, распеврующие «Куба либре!», «Свободная Куба»? За что борются их революционные фанатики? Он не понимал, зачем этот крошечный островок посреди океана с его странной нацией понадобился большим, сильным и богатым Штатам. Но приказ есть приказ. На панели управления горели красными цифрами параметры навигации. Самолет приближался к вспыхиваю-

щему разноцветными искрами ожерелью береговых огней, заливу Гаваны.

На короткое время ночной передышки бурлящее чрево котла с клокочущими лозунгами революционной борьбы команданте Фиделя и товарища Че успокоилось и затихло. Гавана спала, спали города Матанзас, Ольгин, Кохимар. Зеленая ящерица-игуана острова Куба смежила веки. Шуршали сквозь сон остроконечными веерами финиковые и кокосовые пальмы, шелестели высохшими на солнце листьями кофейные и тростниковые плантации, простирающиеся до горизонта квадратами и ромбами цветов рыжей яшмы и болотного турмалина.

Куба. Это слово на местном наречии индейцев означает «земля». Остров Куба площадью в 105 тысяч квадратных километров – самый большой в Кубинском архипелаге, окруженный еще примерно тысячью мелких островков, самые мелкие из которых представляют собой просто скалу в море с пучком зелени. На территории Кубы помещаются десять островов размером с Ямайку и целая дюжина таких крошечных государств, как Пуэрто-Рико!

Кубинский архипелаг примыкает к границе субтропической зоны планеты. Бытует мнение, что само название Кубинскому острову дали аборигены племени таино, которые занимались земледелием и говорили на одном из аравакских языков. Но то же самое слово – «земля!» – с восторгом выкрикивал и генуэзский мореход Христофор Колумб, измож-

денный многодневным плаванием по просторам Атлантики в поисках Индии. Американцы не любят эту историю, о ней вы не услышите в Штатах. В октябре 1492 года Колумб заметил на горизонте темную линию суши. Вожденная «земля», на которую высадились команда каравелл «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» Колумба, оказалась Кубой.

В центре Гаваны – белоснежное величественное здание Капитолия, архитектурно напоминающее дом американского Сената на Капитолийском холме в Вашингтоне. Но это сходство лишь внешнее, в кубинском Капитолии находится Национальная библиотека. Страсть к познанию оказывается значимым противовесом американским чувственным ценностям, символика которых ассоциирована с известными ресторанами, ночными клубами, голливудскими грезами и игорными домами.

Само слово «свобода» на Кубе понимают иначе, нежели в Америке, символом которой стала каменная дама с короной из семи лучей – семи континентов – руки французского скульптора, вылепленная «по образу и подобию» жены производителя швейных машин «Зингер». Выставленная на международной выставке, французская девушка в колючей каменной короне так вдохновила американцев, что им в итоге девушку подарили, и теперь мы ее знаем как символ Нового Света.

Символом Кубы стала совсем иная женщина, Изабелла Бобадилья де Сото, жена губернатора Гаваны. Это ее изоб-

ражение мы встречаем на роме «Гавана Клуб» и большинстве кубинских торговых марок. Она стоит, обратив голову к небу, задрапированная в ткань, ниспадающую мягкими складками, и опирающаяся на католический крест, как на флагшток. Однажды ее муж, губернатор и испанский генерал де Сото, отправился завоевывать новые земли во Флориде и оставил Гавану на попечение супруги Изабеллы на целых четыре года. Долгие четыре года испанка Изабелла де Сото правила кубинским городом Гаваной железной мужской рукой, но когда с другого берега Карибского моря пришло известие о гибели ее супруга, то инфаркт сразил ее. В память об Изабелле де Сото, правящей испанской колонией справедливо, но без мужской алчности и жестокости, благодарные гаванцы отлили фигурку Изабеллы в виде бронзового флюгера и водрузили на вершине крепости Ла-Фуэрса. Именно эта фигура Изабеллы де Сото изображена на этикетках кубинских ромов, сигар и других товаров. Поговорите с кубинцами, и вы услышите о верной женщине Изабелле, безмерно преданной своему мужу, рассказов куда больше, нежели о том, как она правила островом. «Мы ценим настоящую любовь», – подчеркнут кубинцы.

Маленькая Куба кажется огромным и непривычным миром, насыщенный совсем иной экспрессией и эмоциями, нежели мир, начинающийся на севере Флоридского пролива. Средневековая крепость Морро с белоснежной колонной маяка, бросающего на воду красноватые отблески, воз-

вышлась над глубоким заливом темной глыбой скользких от саргассовых водорослей камней. Маяк, расположившийся на выступе отвесной серой скалы, врезающейся в море, освещал красноватым лучом развороченные штормами бурые волнорезы набережной-маликона и разбитую вдребезги асфальтовую дорогу.

Вдоль маликона – маленькие и легкие, словно игрушечные, двухэтажные домики с облупленной краской и потемневшими от соленого ветра металлическими жалюзи на окнах, с полными чугунных завитков решетками балконов, с которых из широких глиняных кадок свешиваются гирлянды душистых выюнов с розовыми и сиреневыми колокольчиками соцветий и на которые карабкаются с потрескавшейся рыжей земли зеленые паруса дикого винограда.

И сейчас пилот Ричард Хейзер, бесстрашный американец с точеным англо-саксонским профилем, сам себе напоминает богатого путешественника, опрометчиво направившегося в царство загорелых аборигенов, беспечно обосновавшихся под кокосовыми пальмами на коралловом песке. Он вывалился вместе со своим самолетом из роскошного мира бисквитно-белоснежных особняков и сочных голливудских грез в гудящую москитами кокосово-тростниковую неизвестность. Он пересекает Флоридский пролив и переносится из мира благополучия и процветания в страну, напоминающую развороченный муравейник. Здесь люди погружены в бесконечные заботы о хлебе насущном и в оборону

от недремлющего врага, они защищаются и ненавидят таких, как он, профессиональный пилот майор специального подразделения авиации, Ричард Хейзер.

Зачем же он отправился в эту дикую страну, полную страха, отчаяния и надежды? Какие чувства у сильной и гордой Америки способна вызывать маленькая пальмово-тростниковая Куба кроме высокомерной жалости? Кубинские земледельцы, изнуренные многочасовой рубкой сахарного тростника под палящим солнцем, возделыванием кофе и табака, ютятся в открытых всем ветрам деревянных домиков с крышами, крытыми сухими тростниковыми листьями. В таких хибарах любой житель зеркальных небоскребов не смог бы провести и нескольких часов! Крестьяне, подобно трудолюбивым муравьям, с утра до глубокой ночи копошащиеся на плантациях, измазанные до ушей рыжей кубинской глиной, не имеют даже представления о том, что такое кондиционер и ванна. Горячая вода – непозволительная роскошь. В кубинских магазинах не купишь ни тортов, ни шоколада, нет даже копченого окорока, ноздреватого сыра, свежего творога, йогуртов и сливочного масла, словно запас продовольствия в стране победившей революции – на исходе. На пару стаканов молока в день может гарантированно претендовать только ребенок, правда, бесплатно, по особой программе. Конечно же, в бакалейных лавках можно добыть рис всех сортов и оттенков, от снежно-белого до золотисто-коричневого, но сколько можно питаться одним рисом? День, два,

неделю, месяц? Пожалуй, даже самые добрые люди должны ожесточиться из-за подобных лишений. Разве будешь доволен лишь радостью познания, сыт книгами из Национальной библиотеки и прочей духовной пищей? Разве страх за будущее, словно воронка тропического смерча, не поглощает и не засасывает кубинский народ?

Американский пилот Ричард Хейзер достиг береговой линии Кубы. Над Атлантикой восходило розовое солнце. Остались вдали Гаити и Ямайка, Багамские острова и Большие Антильские острова, мир вечного лета, рай на земле. «Какая странная и упрямая нация – кубинцы! – думал пилот. – Куда же они идут в своей революционной борьбе? Знают ли сами, видят ли перед собой цель или же лишь полагаются на железную волю и разум своего команданте?»

За спиной майора Ричарда Хейзера осталась двухсотлетняя история его западной державы, ее культуры и цивилизации. Но сейчас она ему не помогала. Впрочем, было не время думать о ее плодах. Сделав резкий разворот в утреннем воздухе, пилот заставил машину пройти по дуге, после чего он начал пересекать остров. На море упала тень пирамидальных облаков, похожих на вершины Гималаев, сгрудившихся на горизонте. Первые лучи восходящего солнца превращали волны Карибского моря в живой аквамарин. В иллюминаторе мелькнуло на миг ожерелье Гренадинов. Солнце, небо и острова, напоминающие с высоты птичьего полета драгоценную россыпь самоцветов! Пилот, чей самолет пока шел на

большой высотой высоте в 22 км, чуть снизил машину, собираясь начать фотосъемку. Его взгляд скользнул по панели управления, хронограф высветил «14/10/62» и время: часы и секунды.

Облет Кубы майор Ричард Хейзер начал, согласно инструктажу, с запада на юго-восток, а затем, сделав воздушную петлю, он обогнул береговую линию острова и полетел в обратном направлении, с юга на север. К концу этих выражений его руки с трудом держали штурвал, полет без всяких сменщиков и «автопилотов». Хейзер вырулил машину на кубинские города Тако-Тако, Сан-Кристобаль, Бахиа-Хонда, где, по мнению ЦРУ, могло находиться особо опасное оружие, и преодолел эти три города всего за десять минут. Было уже семь утра по местному времени, и Ричард видел из кабины, как Куба энергично просыпалась и отряхивала с себя ночную росу и озноб экваториальной ночи. Маяк крепости Морро прекратил освещать путь кораблям в бухту своим красным, как раскаленное металлическое лезвие, лучом прожектора. Был отчетливо виден цвета черного серебра купол белоснежного Капитолия и остроконечные готические башенки католического костела Старой Гаваны. Майор Хейзер вел свой высотный самолет уверенной рукой, и фотокамера, установленная на «Локхиде», тщательно фиксировала быстро разворачивающуюся под крылом картину.

Вот мелькнуло какое-то крупное административное здание, над ним ветер рвал полотнище национального флага. К

слову, этот флаг был разработан не правительством Фиделя Кастро, а намного раньше, во времена испанской колонизации. У него удивительная история: созданный испанцами, флаг в быту именуется «Одинокая звезда», как и флаг американского Техаса. А дело было так. Флаг Кубы появился еще в 1848 году, его создателями выступили испанский морской генерал Нарсисо Лопес и его друг, редактор газеты «Правда» (La Verdad), оказавшийся одновременно талантливым художником, Мигель Толон. Кстати, Мигель Толон занялся и разработкой герба Кубы. Королевская пальма, украшающая сегодня кубинский герб, – это его идея. Но вернемся к флагу. Дизайн кубинского флага опирался на геральдику американского звездно-полосатого флага, и он получил условное название «Одинокая звезда» (La Estrella Solitaria). Удивительные совпадения у стран – политических оппонентов, правда? По мнению дизайнера флага Мигеля Толона, «одинокая» звезда освещает путь кубинского народа к свободе и независимости. Красный треугольник, на фоне которого звезда расположена, – символ революции. Три синих полосы означает три региона, на которые разделили Кубу испанцы. Белый же цвет двух полос, перемежающих синие, символизирует этическую чистоту народа и справедливость государственной власти. В мае 1950 года войска генерала Нарсисо Лопеса предприняли неудачную попытку свергнуть власть испанских колонизаторов, впервые подняв в испанском городе Карденесе флаг независимой Кубы. Увы... Но флагу

суждена была долгая жизнь.

Куба продолжала переходить их рук в руки, и ее государственными флагами становились поочередно флаги США и Испании. Лишь 20 мая 1902 года флаг «Одинокая звезда», разработанный Мигелем Толоном и Нарсисо Лопесом, стал официальным флагом Кубы. В годы правления Кубой сахарного короля, покровителя игорного бизнеса Фульхенсио Батисты этот флаг, разработанный испанцами, не менялся, диктатор не придавал значения геральдике, его интересовала лишь прибыль от американского игорного бизнеса, и таких авторитетов мафиозного мира, как Лаки Лучано, диктатор принимал как самых дорогих гостей в лучших отелях Гаваны. Когда 1 января 1959 года режим Батисты пал, то Фидель Кастро тоже не спешил с новой геральдикой, но по другой причине: он скрывал политическую суть революции. Кастро было выгодно думать, что американцы не видят социалистической сути его революции и думают, что просто один сахарный король хочет свергнуть другого сахарного короля с пьедестала. Американцы полагали, что все богатые промышленники мыслят одинаково и ради прибыли готовы на все, считаются лишь с бизнесом, а на человеческие жизни своей нации им плевать. Потому они и не стали душить Кубинскую революцию в зародыше. Когда же они увидели реформы, проводимые Кастро, гневу американских мафиози, вхожих в правительство США и потерявших на Кубе миллиардный игорный бизнес, не было предела. Есть версия,

что именно представители игровой мафии заказали убийство Джона Кеннеди, после того как тот решил оставить режим Кастро в покое.

Стремительно светало. Куба превращалась в деловито суетящийся муравейник. Крестьяне размашистыми точными ударами сабель-мачете рубили плантации трехметрового сахарного тростника. Его грузили на грузовики и повозки, запряженные волами, которые время от времени подбирали с земли зеленые сочные обрубки, и тогда по их мягким губам текла сладкая пена. Вокруг плантаций табака и кофе сгрудились фургоны с брезентовым верхом. Стояла жара, и казалось, что под ярким солнцем плавится даже металл.

С каждой минутой все больше народа высыпало на базарную площадь Старой Гаваны. Все гаражи, домики, сараи изрыгнули на узкие, наспех мощенные улочки разнообразные средства передвижения. Допотопные автомобили и телеги, повозки для сена, велосипеды, грузовики, автобусы. На свет стремительно извлекались все ящики на колесах! Крепкая лошадь среди этого странного транспорта производила впечатление чего-то надежного и долговечного, ведь живая лошадь не требует запасных частей! Чтобы починить старенький автомобиль, нужны поршни, клапаны и шестеренки, но где их взять в стране, поглощенной революционной стихией, и долго ли эти механические детали, добытые с невероятным трудом, будут действовать? А бензин для мотора стоит немало, ведь нефти на Кубе нет, ее приходится закупать в

Венесуэле. Хорошо, если новые друзья – в Союзе – помогут нефтью в обмен на сахар, но пока деклараций в этом больше, чем дела. Напрягаясь изо всех сил, вереница загорелых трудяг в рубашках защитного цвета на скрежещущих средствах передвижения перемещается к широким дорогам, ведущим в города и на тростниковые плантации.

Революция превратила жизнь кубинского народа в постоянную битву, и вот они, загорелые, с серьезными лицами, едут на скрипящих, гудящих и грохочущих машинах, вооруженные мачете для тростника, как боевыми саблями. В городских автобусах вперемежку свалены самые разнообразные вещи, громоздятся беспрестанно болтающие женщины с детьми и улыбающиеся отцы семейств. Чему они улыбаются? О чем болтают? Танцевальные ритмы латиноамериканской сальсы и революционных песен смешиваются в какофонии и криках, и этот невыносимый рев сочетает в себе радость и отчаяние, страх и непреклонную веру в победу. По улицам кубинских городов движется караван героев, идущих за победой революции без запасных частей, без шин, без бензина... Родина или смерть! Мы победим!

Благополучно обогнув Кубу и отсняв очередной материал для центральной разведки, майор Ричард Хейзер направил самолет в сторону Флориды. К плановому полету он отнесся с холодным равнодушием, работа есть работа, ее следует делать даже в том случае, если уверен, что серьезного результата для твоего ведомства не будет: ты – профессио-

нальный военный, решение принимают за тебя, а тебе за работу платят деньги. Облеты Кубы американскими самолетами-разведчиками до сих пор были делом протокольным, никакой сверхценной информации для ЦРУ они не приносили, но и отменять их не рискнули. Фотоматериал, собранный с риском для жизни, пыльными горами собирался в архивах, забивал там все шкафы и полки, а потом большей частью уничтожался, ведь и в архиве пространство ограничено. Потом привозили новые фотопленки, и с ними происходило все то же самое. И так изо дня в день.

Бестолковая, бессмысленная работа! Месяц назад, 4 сентября 1962 года, президент США Джон Кеннеди официально заявил перед Конгрессом, что «на Кубе нет никаких наступательных ракет». Вот те раз! ЦРУ ищет то, чего нет? Но приказ есть приказ и не подлежит обсуждению. И поскольку разведывательные полеты над Кубой начальство решило не прекращать, значит, надо летать, а не раздумывать...

О том, что русской разведке, проводящей переброску на Кубу стратегических ракет, *неожиданно помогли... китайцы*, известно немногим. А дело было так. В начале сентября китайцы сбили над территорией Китая высотной зенитной ракетой С-75 американский самолет-разведчик U-2. В Белом доме начался переполох. После этого инцидента, а также в связи с облачной погодой, затрудняющей аэрофотосъемку, в ЦРУ приняли решение временно приостановить полеты U-2 над странами коммунистической идеологии, в том числе и

над Кубой, *в период с 18 сентября по 13 октября*. За это время на Кубе советские вооруженные силы успели провести базовую работу по монтажу стратегических ракет. Поэтому, когда 14 октября высотные полеты U-2 были возобновлены, Куба была уже во всеоружии.

Приземлившись на авиабазе в южной Флориде, майор Ричард Хейзер отогнал машину в ангар и, равнодушно вынув фотопленку из аппарата, направился к руководству. Рядовой вылет, «фотосессия», похожая на предыдущие. Пилота уже ждали. Хейзер передал фотоматериал и отрапортовал, что полет прошел нормально, без инцидентов. Захлопнув дверь кабинета своего военного начальства и спускаясь вниз по лестнице, Ричард начал прокручивать в своей голове варианты своих действий на остаток дня. На глаза ему опять попался тот же самый календарь, с самолетами и прозрачной рамкой, передвинутый его рукой на дату 14 октября 1962 года, это было воскресенье. Хейзер мысленно выругался, что такой бестолковый полет пришелся на выходной, он устал и измучен бессонной ночью, перелетом и неизвестностью, а уик-энд уже заканчивается. Он на миг закрыл глаза, перед мысленным воображением поплыли роскошные блондинки на аршинных каблуках и приятели по службе с тяжелыми пузатыми стеклянными кружками пива. Нет, веселый вечер, похоже, отменяется: помятое отражение в зеркале не вызывает восторга, сейчас следует прежде всего выспаться. Майор открыл глаза и еще раз мысленно послал все ЦРУ с Пен-

тагоном к чертям собачьим.

Хейзер и не предполагал, что спустя считанные сутки его вызовет к себе на прием сам президент США Джон Кеннеди и эту встречу увековечат фотографии Белого дома. Аэроснимки, сделанные 14 октября пилотом самолета U-2, были расшифрованы в ЦРУ опытным аналитиком Дино Бруджioni уже спустя несколько часов после возвращения майора Хейзера на авиабазу. В справке национального разведывательного центра по дешифрованию аэрофотоснимков говорилось, что «на Кубе, в районе Сан-Кристобаля имеется старт для ракет типа «земля – земля». Обнаружены три позиционных площадки ракет средней дальности. Идентифицированы восемь транспортных машин и четыре пусковых установки». И хотя сами двадцатиметровые ракеты на фотоснимках не были зафиксированы, директор разведки Джон Маккоун вынес вердикт: «Я все же был прав! Русские установили на Кубе свое оружие!»

Пилоту Ричарду Хейзеру, которому удалось добыть эту сенсацию, повезло, кубинский пальмовый «лес» не скрыл даже бликов солнца на массивных корпусах трейлеров с окислителем для ракетного топлива. На трех установках мобильного типа никаких маскировочных сеток не было, только тенты. Но что находилось под тентами, догадаться было несложно (см. С. Микоян, «Анатомия Карибского кризиса». М., 2006, фотодокумент на с. 176).

Потом, правда, советские военные стали использовать

маскировочные сетки, измазанные грязью, так что результат аэрофотосъемки стало трудно интерпретировать. Почему же их не использовали раньше – вопрос риторический. А ведь если бы не эта оплошность – и в работе по монтажу ракет соблюдалась маскировка, то беспрецедентная операция «Анадырь» достигла бы задуманного финала! Директор ЦРУ Джон Маккоун спустя несколько месяцев признался Кеннеди: «Если бы у нас были только фотоснимки после 14 октября, то мы могли бы ничего и не заметить. *Материал, привезенный из полета Ричарда Хейзера 14 октября, был единственным прямым доказательством советских ракет на Кубе*».

Венский вальс и Берлинская стена

Известную поговорку о том, что первое впечатление о человеке – самое сильное, как нельзя лучше подтвердило знакомство советского лидера Никиты Хрущева и президента США Джона Кеннеди. Произошло это *в июне 1961 года в Вене* – городе Кафки и Фрейда, Штрауса и Моцарта, городе, пропитанном мелодией вальса и ароматом кофе по-венски, благоуханием роз и лилий, блеском хрустальных люстр и шелестом каштановых аллей.

После этой встречи Джон Кеннеди недовольно отозвался о Хрущеве:

– Упертый большевик! И обращался со мной как с мальчишкой!

А Хрущев, в свою очередь, так отозвался о Кеннеди: – А президент-то США совсем молодой, в сыновья мне годится! Нет, это не желчный и злобный старик Эйзенхауэр, с Кеннеди мы, пожалуй, сумеем повернуть нашу холодную войну в сторону потепления! Но для начала этого зеленого юнца стоило бы припугнуть русской силой! (см. А. Розенцвейг, Джон Кеннеди, «Жизнь, расколота надвое», М., 2004, с. 75–80).

Ни Кеннеди, ни Хрущев друг друга адекватно не воспринимали, и это важно для понимания того, почему узел Карибского кризиса столь глубоко затянулся. Хрущев рассчитывал, что информирование по всему миру о самом факте

присутствия на Кубе советских ракет с ядерными боеголовками (после завершения их монтажа) спровоцирует политического оппонента на совершенно другую реакцию – Америка прекратит сжимать кольцо военной экспансии вокруг Союза и, возможно, начнет выводить свои ракеты, нацеленные на Москву, из Турции, Италии, Англии. А то, что у «зеленого юнца» – американского президента – реакция окажется столь агрессивной, Хрущеву и в голову не приходило.

Но гораздо более интересно для нас раскрыть *скрытую пружину драматургии Карибского кризиса*, заложенную в Вене. Об этой скрытой пружине почти не говорится нынешними политологами, пишущими об этом историческом эпизоде. Между тем именно она послужила *главным сдерживающим фактором* для США, и именно этот «крючок» и удерживал Кеннеди от того, чтобы согласиться с предложением недалековидных военных из Пентагона и ЦРУ, предлагающих президенту немедленное вторжение на Кубу – тактику, о которой генеральские чины говорили ему изо дня в день.

Никто из этих генералов не был с Кеннеди в Вене и не присутствовал при его знакомстве с Хрущевым. Возможно, именно поэтому американские генералы упустили из виду в своих гипотетических предложениях, «что будет после вторжения на Кубу», именно то, что Кеннеди поставил во главу угла.

Именно *акцент президента США на этом факте и удержал, возможно, Карибский кризис от сползания в котел*

войны. Имя его – **Берлин**.

Почему же американские аналитики и военные не стали просчитывать изменение геополитической ситуации на европейском плацдарме после возможной бомбежки силами ВВС США – Кубы? Они были уверены, что в Европе ничего не случится, а Хрущев ничего не будет делать в ответ на американское вторжение, они не видели никакой связи между Гаваной и Берлином. А Кеннеди эту связь увидел. Она не была очевидной, не было никаких гарантий того, что в ответ на авиабомбежку американцами советских ракетных баз на Кубе Хрущев даст немедленное указание ввести русские войска в Западный Берлин. Но Кеннеди полагал, что именно такой будет первая реакция Хрущева и своим вторжением на Кубу американцы развяжут войну в Европе. Кеннеди не сомневался, что Берлин станет немедленным ударом Хрущева, как только первые штурмовики ВВС США поднимутся в воздух и возьмут курс на Кубу.

– Однако объективно нет никаких доказательств, что Хрущев поступит именно так, – возражал Джону Кеннеди его брат и одновременно министр юстиции США Роберт Кеннеди. – Посуди сам, Гавана и Берлин, какая тут связь, эти города так далеки друг от друга!

– А я себя ставлю себя на место Хрущева как человека, – отвечал Джон Кеннеди. – Я пытаюсь понять его мысли, это важнее в военной стратегии, чем абстрактные схемы. Надо понимать, как и о чем думает противник. И я уверен, что

наши самолеты еще не достигнут берегов Кубы, а Хрущев уже введет свои войска в Западный Берлин! Сделать Берлин полностью советским — это его мания, его навязчивая идея!

Эту уверенность Джону Кеннеди дала *встреча в Вене*. «Высоколобый русский большевик ни о чем не может думать, кроме как о Берлине, — решил тогда президент Кеннеди. — Этот Хрущев просто одержим Западным Берлином!» Первое впечатление о Хрущеве для Кеннеди оказалось именно таким. После того как Хрущев в августе 1962 года воздвиг знаменитую Берлинскую стену, Кеннеди укрепился в своей позиции: «Хрущев, видимо, днем и ночью только и думает, что о взятии Берлина!» Сам же Хрущев, вероятно, и не догадывался, до какой степени Берлин оказался «крючком» для американцев в ситуации Карибского кризиса и что именно встреча в начале лета 1961 года в Вене с Кеннеди спасла Кубу от американского вторжения в октябре 1962 года...

Хрущев и Кеннеди не воспринимали друг друга на личностном уровне до встречи в Вене в начале лета 1961 года. Президентство Джона Кеннеди только начиналось, когда в одном из секретных писем он пожелал встретиться с Хрущевым, чтобы понять, что это за человек и как с ним себя вести в дни холодной войны между «лагерем коммунизма» и Западом. Кеннеди сам предложил встречу Хрущеву в формате «один на один» и отправил советскому лидеру письмо 23 февраля 1961 года, в День Советской армии, чтобы подчерк-

нута лояльность по отношению к советским вооруженным силам и «уважение к советским военным, особенно в связи с победой над Гитлером, когда США выступили на стороне СССР».

Это письмо Кеннеди составил всего спустя месяц после собственной инаугурации и называл его *«обращением к здравому смыслу»*. Одной из «болевых точек», подлежащих взаимному обсуждению, предлагался **Берлин**, столица поверженной Германии, разбитый на четыре сектора, разделенный стеной на ФРГ и ГДР, на Западный и Восточный и представляющий собой постоянный воспаленный очаг посреди Европы. Мирный договор между СССР и Германией, как известно, после Второй мировой войны не был подписан.

«Все мои коллеги-дипломаты полагают, что в отсутствие переговоров по Берлину Никита Хрущев подпишет сепаратный мирный договор с ГДР и организует в Европе кризис из-за Берлина», – писал американскому президенту Джону Кеннеди, едва вступившему в свою должность, тогдашний посол США в Москве, Томпсон. Действительно, уже около трех лет Хрущев вынашивал идею подписания мирного договора с ГДР. Джон Кеннеди и сам был лишен иллюзий, он однажды заметил, что «если новая мировая война и разразится, то только из-за Берлина, это самое взрывоопасное место на земле» (см. Д. Розенцвейг. Джон Кеннеди, «Жизнь, расколотая надвое». М., 2004, с. 77).

«Берлинскую проблему» Кеннеди и собирался сделать

главной темой во время встречи с Хрущевым. К этому следует добавить, что видный американский дипломат, Джордж Кенан, историк и аналитик в области международных отношений, занимавший в 50-е годы должность американского посла в СССР, предсказывал: *«Исход холодной войны зависел от того, попадут ли Западная Европа и Япония, ключевые центры военно-промышленной мощи, оставленные дрейфовать в конце Второй мировой войны, – в советскую или же американскую сферу влияния»*. К встрече Хрущева и Кеннеди в 1961 году стало очевидно, что инициативу политического влияния у советского лагеря Штаты уже перехватили.

И все же встреча на высшем уровне между Хрущевым и Кеннеди была *необходима*. Хотя бы ради личного знакомства. Местом для встречи была выбрана столица Австрии, Вена, город, созданный в стиле утонченной роскоши, где ты встречаешь огромный цветник Бельведера, золотые мозаичные каскады художника Гюстава Климта, а в воздухе носятся мотивы из «Сказок Венского леса» и «Голубого Дуная» Штрауса. Это – город пронзительно-свежего воздуха, в котором чувствуется близость горных исполинов, альпийских лугов и снежных вершин со сбегаящими водопадами чистой воды, в которой играет пятнистая форель. Перезвон часов на готических башенках старинных зданий сопровождает вас, пока вы идете по улице. Справа и слева от вас приветливо зазывают уютные кафе с изысканными хрустальными

люстрами и ароматным кофе, пахнущим ванилью и корицей, украшенным шапкой белоснежных сливок и подающимся с яблочным штруделем или шоколадным пирожным. В Вену нельзя не влюбиться!

На встречу с Никитой Хрущевым Джон Кеннеди взял своего ближайшего *помощника*, *Макджорджа Банди*. Эту фамилию стоит запомнить, именно Банди информировал утром 16 октября 1962 года о советских ракетах на Кубе и будет затем присутствовать на всех совещаниях, посвященных разруливанию Карибского кризиса.

Макджордж Банди, по профессии – историк, по должности – ректор одного из Гарвардских колледжей, ходил в ближайших помощниках и доверенных лицах у Кеннеди благодаря трем своим качествам: волевому характеру, высокой организованности и гибкому интеллекту. Кеннеди подчеркивал, что в его кадровом пуле одним не хватало характера, другим – мозгов, третьим – дисциплины и найти такого помощника, как Банди, было редкой удачей.

– Мы с Банди за день успеваем провернуть столько, сколько они в своем Госдепартаменте за полгода не могут, – похвастался Джон Кеннеди своей жене, объясняя необходимость взять с собой помощника на встречу с Хрущевым в Вену.

Добавим, что если проанализировать стенограммы совещаний в Овальном кабинете Белого дома во время Карибского кризиса, то станет очевидна и гибкость мышления Банди, его способность быстро менять свою точку зрения в зави-

симости от изменения конъюнктуры ситуации. Банди неспособен был инициировать стратегическое предложение сам, однако внимательно слушал, что говорили другие, и поддерживал только ту линию, что отстаивал его хозяин – Кеннеди. Кроме того, он, несмотря на свой высокий статус ректора, охотно опускался до роли «мальчика на посылках», выполняя функции секретаря и пресс-секретаря, готовя за президента его доклады, не гнушался «грязной» бумажной работой, печатая протокольные бумаги, отсылая президентские телеграммы и просто организовывая телефонные переговоры Кеннеди с лидерами других стран. За подобную услужливость президент, вероятно, тоже его ценил.

Впрочем, еще до того, как самолеты президента США и советского лидера приземлились в Вене, супруги Кеннеди вместе с Макджорджем Банди отправились с двухдневным визитом к президенту Франции Шарлю де Голлю. Отношения США и Франции были неоднозначны, в них было много нелепиц, у американцев родилась поговорка: «Идти на войну с французами – все равно что на оленю охоту с аккордеоном». Джон Кеннеди надеялся обговорить с президентом Франции вопрос присутствия американского вооруженного контингента в Европе, а Жаклин Кеннеди – искупаться во французской роскоши... Это был визит в Париж уникальной женщины: первая леди, урожденная де Бувье, закончившая Сорбонну со степенью бакалавра искусств и специализирующаяся в дипломной работе на французской классической

литературе, бегло говорящая по-французски, носящая туалеты исключительно от Шанель и Живанши, как если бы она была женой президента Франции, а не Америки!

Жаклин де Бувьё родилась в пригороде Нью-Йорка в образованной семье, ее отец – американский брокер французских кровей. Мать – ирландка. Закончив элитарный колледж, Жаклин в своем дневнике записала: «Я не собираюсь становиться домохозяйкой, мне интересно познавать мир». Высшее образование Жаклин поехала получать во Францию. Роман Жаклин и Джона развивался бурно, говорят, однажды в штате Вирджиния дорожный полицейский «застукал» влюбленную парочку на заднем сиденье автомобиля с открытым верхом, но, узнав сенатора Кеннеди, «испарился». В 1953 году 36-летний сенатор Джон Кеннеди женился на выпускнице Сорбонны 24-летней Жаклин, их свадьба стала событием года. Жаклин родила дочь Кэролайн и сына Джона. Однако очень скоро Жаклин на одном из приемов проговорила, что «на свете не существует верных мужчин», имея в виду своего мужа. Пока ее муж катался в Средиземном море на яхте с загорелыми девицами, Жаклин пережила кровотечение и рождение мертвой дочки. Позже, едва родив через кесарево сечение сына Патрика, она уже спустя несколько дней хоронила этого несчастного ребенка: ее сын Патрик скончался от респираторного синдрома. А ее муж тем временем влюбился в голливудскую блондинку-кинодиву...

В августе 1962 года Жаклин узнала из прессы о загадоч-

ной гибели от передозировки снотворных *киноактрисы Мэрилин Монро*, звезда которой 5 августа 1962 года погасла так же внезапно, как и зажглась. Сказать, что Жаклин сильно расстроило это известие, было бы лукавством. Удивило, потрясло неожиданностью – да, пожалуй. Но мог ли уход соперницы расстроить Джеки? Риторический вопрос. Впрочем, брак «сказочной принцессы и принца» выдержал все испытания. Розовый шерстяной костюм от Шанель, забрызганный кровью мужа, который она отказалась менять на церемонии присяги нового президента Линдона Джонсона, стал символом женской верности (любопытно, что вице-президент США Линдон Джонсон, присутствуя на совещаниях по Карибскому кризису, всегда молчит и выступает всего пару раз, причем по теме выборной кампании, а не самого кризиса, и бросает свои реплики в отсутствие Джона Кеннеди).

Жаклин де Бувье, символ просвещенной и современной женщины, свободно говорила на французском и испанском, а итальянский и польский помогали ей готовить выборную президентскую кампанию мужа. Она стала одной из самых молодых, всего в тридцать лет, первых леди США, и журналисты ее прозвали «сказочной принцессой Джеки». Став первой леди, Жаклин продолжает сотрудничать с журналами по теме культуры. В роли первой леди Жаклин пробыла 1037 дней, став легендой страны.

Природное обаяние Жаклин обладало удивительной силой. Узнав, что на встречу в Вене президент Джон Кеннеди

приедет с женой, Хрущев бросил: «Я хотел бы первым делом ей пожать руку, а не ему».

Но за пару дней до Вены Жаклин вместе с мужем посетила Париж. Французы приветствовали первую леди США восторженными криками. Жаклин воспринималась здесь как своя, как подлинная француженка. После торжественного приема в президентских апартаментах последовал головокружительный вечер в Версале. Чету Кеннеди окружали золото и хрустальные капли фонтанов, сверкание драгоценностей, живописные букеты цветов, мелькание изящных туалетов, уточненные шлейфы ароматов, череда помпезных военных мундиров, анфилада изысканно сервированных столов с изумительными винами. Джеки блистала на этом приеме звездой первой величины, и муж восторженно прошептал ей на ухо: «Ты – ослепительна!»

Со стариком де Голлем президент Джон Кеннеди поделился наболевшим. Де Голль вел себя покровительственно: «С русскими ни о чем договариваться не надо. Им надо просто диктовать условия. Ваша задача – не переубеждать Хрущева, а показать ему силу, что вы готовы воевать, если это необходимо. Демонстрируйте силу! Крепко стойте на своем!» Похоже, что эти напутственные слова де Голля крепко врезались в память Кеннеди, ибо именно так себя он и решил вести с Хрущевым во время Карибского кризиса.

Вена встретила чету Кеннеди изумительными белоснежными «свечками» цветущих каштанов, перезвоном колоко-

лов в католических соборах с узкими готическими башенками и каменным кружевом фасадов, и цокотом конных повозок,двигающихся по старинной традиции кругами, возле здания Парламента, выполненного в древнегреческом стиле и украшенного впечатляющих размеров каменной статуей богини Афины Паллады.

Джон Кеннеди пил утренний кофе. Он думал о том, насколько ограничена свобода президентских действий, ее нет ни в политических решениях, ни в выборе соратников, ни в выборе политических оппонентов.

На встречу с советским лидером Кеннеди пришел в строгом костюме с ярким галстуком в крупную полоску. Хрущев был в однотонном галстуке, его темный пиджак украшали две звезды Героя Советского Союза. Оба собеседника остались при своих мнениях, никакого договора по Берлину не подписали. Хрущев экспрессивно доказывал преимущества социализма, Кеннеди интеллигентно и мягко возражал.

– И даже ученый с мировым именем Альберт Эйнштейн считал социализм более справедливым и перспективным общественным устройством, нежели капитализм, – декларировал Хрущев.

Нежелание Кеннеди вступать в спор Хрущев истолковал как «мягкотелость» и неуверенность «зеленого юнца». Вспомнив, как резидент КГБ в Вашингтоне Георгий Большаков ему в Пицунде докладывал о том, что «президент США – фигура зависимая, и это надо учесть», Хрущев сде-

лал неадекватный вывод о том, что имеет дело с политиком весовой категории заведомо ниже своей собственной. Поставить себя на место президента США, чтобы понять, что собой представляет эта зависимость, в том числе и от олигархов, и почему президент США острожен в принятии решений, советский лидер не мог. «Личный связной» Хрущева, разведчик Георгий Большаков озвучивал просьбу Роберта Кеннеди учесть «зависимость американского президента», но советский лидер никак не понимал, о чем идет речь: «Он глава страны или кто?» В самом деле, не столкнувшись нос к носу с нефтяными олигархами, банкирами, игровой мафией и отставными генералами, ушедшими в крупный бизнес, очень трудно себе представить, на что эта публика способна. А у Хрущева такого опыта не было. Поэтому интеллигентность и осторожность Кеннеди, который, к сожалению, через год стал жертвой заговора крупного бизнеса и теневых политиков, Хрущев ошибочно истолковал как проявление слабохарактерности. Реакцией Кеннеди на кубинские ракеты Хрущев был ошарашен. Слабохарактерный «зеленый юнец» – и вдруг такая решительность?

Знакомство Хрущева и Кеннеди 3 июня 1961 года в Вене закончилось пустословием и отсутствием всяких договоров. Хрущев смотрел на Кеннеди покровительственно, как на ребенка, пространно рассуждал о преимуществах советской системы перед «загнивающим Западом». «Венское знакомство» лидеров двух сверхдержав вылилось в монолог одного

Хрущева, а вежливые комментарии Кеннеди были истолкованы советским политическим лидером как «слабость». Советский лидер продолжал испытывать эйфорию от того, что 12 апреля 1961 года в космос полетел первый в мире человек, им стал гражданин Союза! Осознание этого научного и политического прорыва придавало Никите Сергеевичу сил и боевого духа.

«Упертый твердолобый большевик!» – мысленно отметил Кеннеди, вспомнивший легендарную выходку Хрущева на ассамблее ООН с постукиванием ботинком по столу и обещанием «закопать» мир капитализма. Поездка в 1959 году в Нью-Йорк, к сожалению, сопровождалась атмосферой недружелюбия, не открыла Хрущеву глаза на трудности экономического соревнования с США, он возлагал неоправданные надежды на Третий мир и даже пообещал, что «в отличие от Америки в Союзе к 1980 году будет построен коммунизм».

Представление Хрущева о Кеннеди как о «молодом и зеленом» политике заставило его после июньской встречи в Вене развернуть решительные действия в отношении Берлина. Мирного договора с ГДР он не подписал, зато все лето 1961 года Хрущев возводил знаменитую стену между Западным и Восточным Берлином. В качестве особой меры предосторожности Хрущев потребовал, чтобы стену возводили поэтапно, чтобы отслеживать реакцию Запада. Вначале протянули колючую проволоку, потом стали возводить ка-

менную кирпичную кладку и уж на заключительном этапе к стене приставили вооруженные посты охраны. Запад молчал. *13 августа 1961 года СССР опубликовал отчет о завершении работы по возведению Берлинской стены* и стал ждать, затаив дыхание, в Министерстве иностранных дел царил тревога, но все западные страны молчали. Стало ясно, что Запад стену не снесет, – Союз вздохнул свободно. Уверенность Хрущева в своих силах, особенно по отношению к Джону Кеннеди, усилилась.

– На Запад нужно давить, – заметил Хрущев министру обороны Родиону Малиновскому, находясь на летнем отдыхе в Болгарии в мае 1962 года. – Вспоминаю Кеннеди в Вене. Президент-то США совсем зелененький! И в сыновья мне годится! Хочет завоевать весь Берлин, но где ему!

Когда же министр обороны Родион Малиновский заметил, что, несмотря на молодость и «зеленость» президента США, есть и объективные опасности, скажем, близость к Союзу американских ракет «Юпитер», размещенных в Турции и способных достигнуть Москвы через десять-двенадцать минут полета, Хрущев лихо заявил:

– А! Давайте-ка и мы запустим в штаны к американцам русского ежа...

Так родилась идея беспрецедентной операции «Анадырь». Отметим, что перед тем как принять решение о том, чтобы «запустить американцам в штаны ежа», Хрущев стал свидетелем еще одного значительного события, без которого

карибская геополитическая партия не была бы разыграна.

А именно, в *апреле 1961 года Куба* выиграла у ЦРУ тяжёлую операцию под кодовым названием «Сапата-Мангуста» в *заливе Свиней (Плайя-Хирон)*. История несостоявшейся смены власти на чужой территории стала одним из ведущих пусковых механизмов для принятия в Союзе решения об операции «Анадырь». Операция «Сапата» (так названная по месту высадки американского десанта) предварялась «Белой книгой» о Кубе, изданной 3 апреля 1961 года Госдепартаментом США и разосланной всем членам ООН. В «Белой книге» Куба обвинялась... в экспансии коммунизма и во вмешательстве в дела других государств. 12 апреля президент Кеннеди официально заявил, что «США не будет совершать военного вмешательства для свержения правительства Ф. Кастро», а уже 15 апреля происходит бомбардировка пилотами США, замаскированными под «восставших кубинских летчиков», и 17 апреля к заливу Свиней (Плайя-Хирон) направляется бригада из 1511 бойцов ЦРУ, прошедших подготовку в Гватемале.

В свою очередь, «Залив Свиней» тоже был реакцией США на дипломатические отношения, сложившиеся между Кубой и Союзом после визита Анастаса Микояна на Кубу. После знакомства Фиделя Кастро и Анастаса Микояна стало очевидно, что у Кубы появился мощный покровитель в лице советской сверхдержавы. Вот когда в Белом доме снова вспомнили о планах Эйзенхауэра по ликвидации режима Ка-

стро! Началась лихорадочная подготовка к операции «Мангуста». Ее апогей совпал с днем рождения Никиты Хрущева – 17 апреля! Американцы надеялись ликвидировать режим Кастро, но им это не удалось.

Команданте Фидель: революция или смерть!

Согласиться на тайное размещение на своей территории ядерного оружия мог далеко не каждый политик. Но Фидель был как раз из тех, кому не привыкать к риску. Расскажем ключевые эпизоды его биографии, чтобы почувствовать его личность, понять, почему он вел себя именно так, а не иначе в условиях Карибского кризиса.

Имя легендарного революционера полностью звучит так: **Фидель Алехандро Кастро Рус**. «Дополнительное» имя Алехандро Фидель придумал себе сам, это его псевдоним, выбранный им во время революционной борьбы. Именем «Александр» он подписывал свои статьи для газеты «Обвинитель», в которых критиковался режим Батисты. Кастро восхищался полководцем *Александром Македонским*, который был его любимым историческим персонажем.

Уже после победы Кубинской революции историки обратили внимание на то, что в отряде Фиделя почти все бойцы были потомками испанских эмигрантов. Главный упор в идеологической подготовке делался на знакомство с марксистской теорией. «Если бы мы не изучали марксизм, если бы мы не были вдохновлены примером Хосе Марти, мы не смогли бы даже представить себе революцию на Кубе, потому что группа людей, из которых никто не учится в военной

академии, не смогла бы начать войну против армии, хорошо организованной, хорошо вооруженной и хорошо обученной, и одержать победу практически без потерь», – вспоминал эти годы Фидель Кастро. Когда 10 марта 1952 года к власти на Кубе пришел крупный сахаропромышленник Фульхенсио Батиста, революционер Фидель Кастро назвал эту дату одним из самых важных дней в своей жизни. «Винтовку и приказ – вот и все, что я желал иметь в тот момент», – говорил Кастро. Однако ни президент, ни лидеры партии «ортодоксов» не желали проявлять решительность. Именно тогда Фидель решил порвать контакты с политиками подобного рода, которых его брат, Рауль, именовал «людьми-пробками»: они стремились оставаться на плаву любым путем. Фидель, юрист по образованию, проанализировал антиконституционные действия Батисты и уже 24 марта 1952 года отнес в Конституционный суд досье на Батисту, в котором, по мнению Фиделя, диктатор нарушил сразу семь статей Уголовного кодекса: этого хватило бы, чтобы Батиста окончил свои дни за решеткой. Кроме того, Фидель не побоялся отнести открытое письмо к Батисте в редакции самых смелых кубинских газет. В нем, в частности, говорилось: «Вы совершили переворот не против беспомощного и находящегося в прострации президента Прио, а против собственного народа, да еще сделали это накануне выборов, результаты которых были практически известны заранее. Своими действиями вы сеете не мир, а зерна ненависти! (...) Наступил час

борьбы, отдать жизнь – это значит ничего не потерять, а вот жить в кандалах – это жить в позоре» (цит. по: Леонов Н.С., Бородаев В.А. «Фидель Кастро. Политическая биография», с. 60). Вскоре после этого Кастро стал собирать революционный отряд из молодых людей, возраст которых, как правило, не превышал 30 лет. Посвятившая себя семье и воспитанию сына жена Фиделя – Мирта Диас – была абсолютно безразлична к революционным исканиям супруга. Более того, родной брат Мирты, Рафаэль, пытавшийся заводить дружбу с влиятельными людьми, работавшими на Батисту, стал одним из главных идеологических противников Фиделя, и, выбирая между взглядами мужа и взглядами своих родственников, Мирта выбрала второе.

Отметим, что женщины в революционной борьбе Фиделя сыграли далеко не последнюю роль. Среди них были боевые валькирии и музы, соратницы и вдохновительницы, отличные стрелки из винтовки и единомышленницы, и просто женщины, влюбленные до беспамятства в этого поразительно волевого, энергичного, жизнелюбивого, сильного мужчину почти двухметрового роста.

В период разрыва с Миртой в окружении Фиделя появляется светская львица Натидат Ревуэльта. Она считала себя социалисткой и тянулась к революционной борьбе, однако ее богатая семья не позволила Нати Ревуэльте стать социалисткой не на словах, а на деле. При знакомстве Фиделю Нати показалась кинозвездой: у нее были большие зеле-

ные глаза, темные и жесткие волосы цвета воронова крыла и загорелая кожа. Нати была замужем за старым, но состоятельным кардиологом, к которому ходили сливки гаванского общества. Роман с Фиделем для Нати ассоциировался с началом политической деятельности, революционной и мятежной, как сама молодость. Она не порывала с буржуазными кругами, но старалась помогать революционерам и даже продала свои фамильные драгоценности, чтобы деньгами помочь революционерам в их тайной деятельности. Деньги революционному кружку действительно были очень нужны, и в своей знаменитой речи на суде «История меня оправдает» Фидель сказал: «Мы собрали свои средства лишь благодаря беспримерным лишениям». Действительно, соратники Фиделя продавали даже то, что их кормило, – свои лаборатории, фотостудии, фармацевтические лавки и даже мебель. Была собрана смехотворная для революционных преобразований сумма – 20 тысяч песо. Но именно с этой суммы начиналась Кубинская социалистическая революция, на нее приобретались ружья и винтовки. «Однажды я подсчитал, во сколько обошлась Монкада, яхта «Гранма» и война в Сьерра-Маэстра, и, возможно, все это в сумме даст лишь 300 тысяч долларов. Так что можно сказать, что мы совершили самую дешевую в мире революцию», – позже говорил Фидель (цит. по: М. Макарычев «Фидель Кастро». Серия ЖЗЛ, М., 2008).

Штурм казарм Монкада в 1953 году дал начало движе-

нию, именуемому «Движение 26 июля», но закончился для армии повстанцев неудачей, и сам Фидель был на волосок от гибели. В один из моментов агрессивно настроенные солдаты Батисты уже готовы были нажать на курок, когда раздался повелительный голос: «Не трогайте их!» Немолодой человек, которого звали Педро Саррия, стал одним из ангелов-хранителей Фиделя. Он отвел Фиделя и других пленников к грузовику, тихо сказав: «Вы очень отважные ребята». Затем был суд и тюрьма. И в том, что Фиделю была сохранена при этом жизнь, немаловажная заслуга оказалась со стороны его уже почти чужой и далекой супруги, Мирты Диас Баларт. Она использовала все каналы связи с Батистой, которые были у ее родственников, и просьба Мирты сохранить жизнь Фиделю дошла до самых высших инстанций, включая архиепископа Сантьяго Переса Серантеса, который пообещал, что Фидель будет жив. Только в тюрьме Фидель узнал, что его брат Рауль жив, его схватили двумя днями раньше. Не миновать бы братьям Кастро смерти, если бы к тюрьме в Сантьяго не съехались журналисты, включая и зарубежных. Никто из них не догадывался, что революция Фиделя – социалистическая, зато государственный переворот, организованный Батистой, сомнений не вызывал, и потому либеральная пресса подняла шум о том, что в тюрьме могут заживо сгнить два талантливых брата Кастро, которые борются за конституционные выборы в стране и законную президентскую власть. Некоторых журналистов допустили к

подсудимому, так что его идеи о возрождении Кубы быстро стали достоянием общественности. Находясь в полной изоляции от своих товарищей, Фидель объявил голодовку. Это был его протест против судебного решения: якобы Фидель по состоянию здоровья не может находиться на общем процессе, его дело перенесено на более поздний срок. Тем временем были распространены сотни фальшивых листовок, в которых предлагалось «выкрасть Фиделя из тюрьмы». Сам Фидель считал, что это было алиби для тюремщиков, которые собирались инсценировать бегство Фиделя и в процессе этой инсценировки его убить. Фидель отказался от адвокатов, и обвиняющая сторона уже потирала руки. Но Фидель, профессиональный юрист, замыслил на суде сложную игру, выступая одновременно и в роли обвинения, и в роли адвоката. Он получил в суде все привилегии как адвокат и даже обращался к судье «Ваша честь!», требуя перевести его в адвокатскую ложу. Фульхенсио Батиста, узнав об этом театре, приказал сократить число журналистов на суде. Приговор самого суда был неумолим, Рауль Кастро и трое революционных лидеров получали по 13 лет тюрьмы, остальные – были приговорены к сроку от трех до десяти лет. Айде Сантамария и Мельба Эрнандес, которые проходили по делу как «медсестры», получали по шесть месяцев тюрьмы.

12 октября 1953 года Фидель произнес в зале суда знаменитую речь «История меня оправдает», это был трехчасовой политический памфлет, в котором он рассказывал о

том, как готовился штурм казарм Монкада и зачем. Позднее эта речь была напечатана отдельной брошюрой, и ее разносили по конторам, раздавали на митингах. Прокурор просил приговорить Фиделя к 26 годам тюрьмы (видимо, по созвучию с «Движением 26 июля?»), хотя Уголовный кодекс Кубы ограничивал пребывание в тюрьме 20 годами. В итоге 17 октября 1953 года заключенный номер 4914 (номер Фиделя) отбыл из тюрьмы Сантьяго на остров Пинос для отбывания 15-летнего срока. Батиста был доволен, он был уверен, что подобный «урок» отобьет у молодых людей, чьи имена прессы уже успела сделать легендарными, охоту к подобным выходкам. Всем лидерам «Движения 26 июля» – Раулю Кастро, Педро Мирету, Хуану Альмейде, Айде Сантамарии и Мельбе Эрнандес – была сохранена жизнь. В эти ряды чуть позже вольется и легендарный Эрнесто Че Гевара. В «образцовой тюрьме» Пиноса Фидель имел возможность читать книги, в числе авторов оказались Карл Маркс, Иван Тургенев, Николай Островский, Уильям Теккерей. О «Капитале» Маркса Фидель с присущим ему юмором отзывался: «Дочитал до 370-й страницы, а дальше не осилил».

«Фидель – самый читающий из известных мне политических деятелей, – рассказывал разведчик, генерал КГБ, Николай Леонов (цит. по: Леонов Н.С., Бородаев В.А. «Фидель Кастро. Политическая биография», с. 93). – Книги Фидель читает бесконечно много. Когда я был в его скромном доме в Гаване, то я ничего, кроме книг и гимнастических снаря-

дов, не увидел».

В июле 1954 году Фиделю сообщили, что у его жены Мирты Диас Баларт любовная интрижка с известным политиком, министром внутренних дел батистовского правительства Эрмидой, который был начальником ее брата Рафаэля, при случае напоминавшего Мирте, что она «из приличной семьи» и что за «революционного мятежника» она вышла замуж против воли родителей. Для Фиделя это был удар, интрига в ведомстве его злейшего врага Фульхенсио Батисты! «Только такой женоподобный субъект, как Эрмида, мог опуститься до последней степени половой дегенерации, лишиться всякой мужественности», – отозвался Фидель об Эрмиде. Несмотря на желание пообщаться со своей любовницей Натадад Ревуэльтой, Фидель мужественно удерживался от переписки с нею. Светская львица с революционным шармом не выдержала первой и передала через мать Кастро – Лиину Рус – письмо. К этому времени Нати уже успела развестись со своим старым мужем и чувствовала себя свободной. В ответ на ее письмо Фидель написал строки, от которых тюремная охрана, обязанная читать всю переписку, должна была, вероятно, уронить слезу. «Дорогая Нати, – писал Фидель, – я с радостью отдам свою жизнь за твою честь и счастье. Ты – женщина. Женщина – это самое нежное, что есть на свете. Женщина в мужском сердце – это источник священного и неприкосновенного почитания. Сегодня в моей памяти вновь возникли дни, когда я грустный, опечаленный и уни-

женный чем-нибудь приходил к тебе. Мои ноги сами вели меня в твой дом, где я находил покой, радость и умиротворение. Краткие мгновения общения с твоей чистой и благородной душой были для меня наградой за долгие часы горестей и печалей» (цит. по: М. Макарычев, «Фидель Кастро», серия ЖЗЛ, М., 2008, с. 145). Но Рафаэль, брат Мирты, замминистра внутренних дел, легко мог контролировать подобную переписку. Он взял письмо для Нати и положил его в конверт для Мирты, а письмо, адресованное Нати, он отправил Мирте. После этого взбешенная Мирта сама подала на развод. А уже спустя несколько месяцев после развода с Фиделем Мирта вышла замуж за Эмилио Неньеса Бланко – одного из сторонников Батисты. Когда же режим Батисты был свергнут, Мирта и Эмилио уехали жить в Мадрид, где и остались, и Мирта всю оставшуюся жизнь держала в тайне свой брак с Фиделем Кастро. Что касается ее брата Рафаэля, то он перебрался жить в США, а кроме того, умудрился стать другом конголезского диктатора Мобуту Сесе Секо.

В феврале 1954 года медсестры Мельба Эрнандес и Айде Сантамария вышли на свободу. Тем временем Фульхенсио Батиста, незаконно захвативший власть два года назад, решил «юридически узаконить свой президентский статус» и назначил в стране на 1 ноября 1954 года демократические выборы президента. Годом ранее он отменил Конституцию 1940 года, что фактически делало невозможным существование оппозиционных партий. На Кубе в угоду американ-

цам начались гонения на коммунистов, и в мае 1955 года появилось бюро по подавлению коммунистической деятельности. Шеф разведуправления США Ален Даллес выразил благодарность «понятливому» кубинскому президенту Батисте. «Создание кубинским правительством бюро по подавлению коммунистической деятельности является важным шагом вперед в деле борьбы за свободу», – писал Даллес Батисте. Диктатор упивался своей властью. Желая продемонстрировать, какой он справедливый и гуманный, он решил устроить амнистию в тюрьмах. Слухи об амнистии мгновенно разнеслись в прессе, кубинский народ начал требовать милости по отношению к Фиделю. Одновременно через свои каналы связи с людьми Батисты светская львица Нати Ревуэльта добивалась амнистии для возлюбленного. Удивительно, но все призывы, просьбы и требования «Фиделя – на волю» возымели должный эффект. Батиста решил отпустить Фиделя и его товарищей, посчитав, что молодые революционеры больше вреда ему не принесут. Известие об амнистии участников штурма Монкады было встречено кубинцами с восторгом.

15 мая 1955 года Фидель и его 27 товарищей, отбывавших срок на острове Пинос, вышли на свободу. В тюрьме они пробыли двадцать один месяц и пятнадцать дней. Однако агрессивность солдат Батисты не вызывала у Фиделя сомнений, что его ставят перед выбором: или же забыть о прежней политической деятельности, или же покинуть стра-

ну, или снова сесть в тюрьму.

Так началась тайная и длительная подготовка Кубинской революции. Понимая, что подпольную революционную деятельность развернуть на Кубе солдаты Батисты не позволят, Фидель предложил вынести штаб-квартиру революционеров за пределы страны. Уже в этом проявился его недюжинный интеллект. Государством, подходящим для штаб-квартиры революционеров, стала Мексика, а сами участники борьбы собирались в Мехико на улице Эмпранан, в доме 49. Это было маленькое и тесное помещение, очень простое, в котором были лишь кухня, столовая, ванная и спальня, где стояло несколько раскладушек, днем их сворачивали, и спальня превращалась в гостиную. Эта квартира принадлежала Марии Антонио Гонсалес, которая эмигрировала с Кубы после переворота Батисты. У этой немолодой женщины был свой счет к режиму Батисты: ее родной брат умер вскоре после выхода из тюрьмы, не оправившись после пыток. Именно в ее квартире состоялась судьбоносная встреча Фиделя Кастро с Эрнесто Че Геварой де ла Серной, молодым аргентинским врачом, прибывшим в Мексику из Гватемалы, о котором выдающийся французский философ-экзистенциалист и писатель Жан-Поль Сартр сказал: «Я думаю, что Че был не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи». Сам же Че Гевара был так восхищен Фиделем, что спустя всего несколько дней после их знакомства сочинил «Песнь в честь Фиделя».

Однажды хозяйка квартиры в Мехико, где располагался штаб революционеров, кубинка Мария Антонио Гонсалес, заметила подозрительного человека возле своего дома. Увидев Марию Гонсалес, он испуганно скрылся за углом. Мария Гонсалес немедленно об этом сообщила революционерам, и тем удалось его схватить. Незнакомец оказался гангстером Поликарпо Солером. 10 тысяч долларов – такой гонорар ему пообещали за убийство Фиделя, чья фотография оказалась у него в кармане. Оказалось, что заказчиками убийства были сотрудники кубинского посольства, получившие в свою очередь «заказ» от Батисты, до которого стали доходить слухи о том, что Фидель готовится в Мексике к тому, чтобы свергнуть его режим. Спустя годы Фидель будет вспоминать о беспокойных днях, проведенных в Мексике, когда практически ежедневно приходилось сталкиваться с угрозой гибели: «Для нас началась большая одиссея в Мексике. Когда я доставал оружие для наших бойцов, меня арестовали. Они думали, что ловят контрабандистов. Нас спасло то, что полицейские стали с нами разговаривать. Батистовские агенты подстрекали мексиканскую полицию взять ранчо «Санта-Роса» штурмом. Пришлось сказать, что мы им сами покажем ранчо. Расчет был прост: в толпе горожан полицейские не могли по нам открыть огонь. (...) В сумке оказался номер телефона квартиры, где мы держали оружие. Я про эту бумажку забыл, а полицейские, обыскивая нас, нашли ее. Это был самый сильный удар. Однако чем больше о нас эти по-

лицейские знали, тем больше они нас уважали» (цит. по: И. Рамоне «Фидель Кастро. Моя жизнь. Диалог на два голоса». М., 2009, с. 202–204).

Несколько недель длилось заключение Фиделя Кастро и его боевых товарищей в мексиканской тюрьме, а выйдя на свободу в июле 1956 года, Кастро столкнулся с проблемой, где взять деньги, чтобы восстановить арсеналы конфискованного оружия. Но для Фиделя неразрешимых задач не существовало, его фантастическая воля к победе позволяла находить путь к выходу в самом запутанном лабиринте. Проанализировав ситуацию, Фидель решил встретиться с бывшим кубинским президентом Карлосом Прио Сокаррасом, на которого в свое время Фидель собрал внушительное досье, уличавшее Сокарраса в связях с гангстерами и мафиози, что давало возможность утверждать, что экс-президент Кубы «продавал и покупал убийства». Встреча с Сокаррасом была, конечно, не слишком приятной для Фиделя, но у Сокарраса были деньги, и Фидель рассчитывал на его помощь в борьбе против Батисты. Кастро с пятью товарищами тайно прибыл в американский городок Макаллен и поселился в его отеле «Королевская пальма». Здесь в номере 21 его ждал экс-президент Кубы Сокаррас. После переговоров враг Батисты пообещал выдать революционерам 50 тысяч долларов. Эта сумма устраивала революционеров. Яхта, на которой они собирались отплыть, чтобы совершить революцию на Кубе, ориентировочно могла стоить половину этой сум-

мы. Остальных денег должно было хватить на покупку оружия. Как водится, не обошлось без случайностей. Однажды Фидель проезжал мимо мексиканского города Тукспан и из окна машины увидел небольшую яхту, стоявшую на приколе в устье одноименной реки. Только Фидель с его звериной интуицией мог посчитать эту утлую посудину под названием «Гранма» полезной делу революции. Владелец яхты – американец Вернер Грин – уступил ее за символические 15 тысяч долларов. Революционерам пришлось полностью перестилать палубу, заменить мачту и оба двигателя, баки для воды и горючего. Но хуже, что «Гранма» могла взять на борт порядка 20–30 человек, а у Фиделя было 80 бойцов. А еще надо было взять оружие. Яхта плыла столь перегруженная, что ватерлиния у нее находилась глубоко под водой. К тому же она отклонилась от курса и попала в шторм, так что все страдали от морской болезни. У Че Гевары начался приступ бронхиальной астмы, и только благодаря тому, что его коллега, врач Фаустино Перес, захватил с собой несколько ампул адреналина, Че Геваре удалось облегчить страдания. Неожиданно в каюты стала поступать вода, и тогда стали бросать за борт весь балласт – даже консервы с мясом и канистры с горючим и пресной водой! А когда все это оказалось на дне Мексиканского залива, оказалось, что иллюзию течи создал... сломанный санузел. На пятый день из еды на «Гранме» остались лишь одни гнилые апельсины. Пресная вода заканчивалась. А предстояло плыть еще три дня! Вдобавок

ко всем бедам, ночью в воду упал штурман Роберто Роке – пришлось его вылавливать.

В нескольких милях от Кубы «Гранма» столкнулась с военными катерами: кто-то из предателей донес Батисте, что на Кубу идет корабль с отрядом вооруженных революционеров. Однако, не имея описания корабля повстанцев, обшарпанную и невзрачную «Гранму» не тронули. Впрочем, военные катера были хорошим предупреждением, и Фиделю пришлось вместо намеченного порта Сантьяго поменять курс на горы Сьерра-Маэстра. Израсходовав последние литры горючего, «Гранма» села на мель в сотне метров от берега. Обессиленные голодом, морской болезнью и бессонными ночами, повстанцы стали прыгать в воду, поднимая над своей головой винтовки, Рауль Кастро переправлял на берег боеприпасы. И в этот момент на горизонте показались военные катера и открыли по уже пустой «Гранме» огонь.

«Мы брели, – напишет в своем дневнике Че Гевара, – через мангровые заросли болота, спотыкаясь от усталости, напоминая армию призраков. Этой армии призраков из восьмидесяти человек предстояло воевать с тридцатипяти тысячной армией Батисты». Бойцы десантировались в трех десятках километров от того места, где их ждал отряд под руководством удивительной женщины-стрелка Селии Санчес.

Именно *Селия Санчес*, валькирия и боевая подруга Фиделя, надолго заняла место в сердце команданте после светской львицы Нати Ревуэльты, которая в революционной борьбе

ценила лишь романтику да разговоры про мораль и справедливость, а пот, кровь и выстрелы ее пугали. А Селия Санчес была не только теоретиком, но и практиком революции, и имя этой женщины стоит запомнить, оно будет значимым и во времена Карибского кризиса.

Трое суток, с 2 по 5 декабря 1956 года, когда отряд Фиделя пробирался по мангровым зарослям навстречу отряду Селии Санчес, тянулись как один страшный и кошмарный день. Покружив над горами Сьерра-Маэстра, летчики Батисты никого не заметили, и в газетах написали, что «Фидель утонул в болоте». Но сам Батиста в это не верил. К облаве на отряд Фиделя подключились владельцы плантаций и крестьяне – за звонкую монету. Сам Фидель одним из самых страшных дней своей жизни называет 5 декабря 1956 года, когда солдаты Батисты обнаружили в тростниках отряд Фиделя и открыли по нему огонь. В этом бою погибли и попали в плен многие, к условленному месту из 82 добралось всего 22 человека, включая братьев Кастро, Че Гевару, Хуана Альмейду. Но «когда есть воля к победе, когда человек не теряет присутствия духа, когда он верит в свое дело, никакое поражение не заставит человека отступить», заметил позже в одном из своих интервью Фидель. В рождественскую ночь 25 декабря 1956 года отряд Фиделя ушел в горы Сьерра-Маэстра. За информацию о местонахождении повстанцев Батиста пообещал гонорар в 5000 долларов. А поскольку, как выразился Че Гевара, «крестьяне – люди добрые и благородные,

но опасаящиеся, что за покровительство повстанцам солдаты Батисты их упрячут в тюрьмы, а за шпионство щедро вознаградят», надеяться, что среди местных жителей не будет лазутчиков, не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.